

УДК 94 (470. 620) «17-18»

UDC 94 (470/620) «17-18»

07.00.00 Исторические науки

Historical sciences

**РОД ТЕМИРГОЕВСКИХ КНЯЗЕЙ
БОЛОТКОВЫХ В ВОЕННО-
ПОЛИТИЧЕСКИХ СОБЫТИЯХ НА КУБАНИ
В КОНЦЕ XVIII – НАЧАЛЕ XIX ВВ.**

**THE STOCK OF BOLOTOKOV'S THE
TEMIRGOI PRINCES IN THE MILITARY-
POLITICAL EVENTS IN THE KUBAN REGION
IN THE LATE XVIII - EARLY XIX CENTURIES**

Скиба Константин Викторович
к.и.н., ст. преподаватель
*Кубанский государственный
аграрный университет, Краснодар, Россия*

Skiba Konstantin Viktorovich
Cand.Hist.Sci., senior lecturer
*Kuban State Agriculture University
Krasnodar, Russia*

Цель данной статьи – изучение роли и места фамилии темиргоевских князей Болотоковых в военно-политических событиях, происходивших на Кубани в конце XVIII – начале XIX вв. Рассмотрен вопрос происхождения и статуса княжеской фамилии Болотоковых, к которой принадлежал легендарный князь Джамбулат Болотоков, «последний представитель рыцарского поколения прежних черкесских князей». Кроме него, в статье отмечены наиболее известные темиргоевские князья, в том числе его двоюродный брат – «старший темиргоевский князь» Мишеост Болотоков. Важное место отведено их предшественнику – князю Безруко Болотокову, пытавшемуся создать мощное военно-политическое объединение, соединив все «аристократические» черкесские племена «в одно целое для защищения своих земель и прав против внешних врагов: абадзехов, шапсугов и натухайцев, но с сохранением внутреннего управления каждого племени на прежних основаниях». Определены причины того, что, несмотря на периодическое участие в боевых действиях против России, основная часть темиргоевцев, подвластная князю Мишеосту Болотокову, придерживалась твердой пророссийской ориентации, которую отмечал главнокомандующий российскими войсками на Кавказе генерал А. П. Ермолов, называвший Мишеоста Болотокова «наиболее всех приверженного России»

The purpose of this article is to study the role and the place of the Bolotokovs, the temirgoi princes' name, in the military-political events that took place in the Kuban region in the late XVIII - early XIX centuries. The question of the origin and the status of the prince surname Bolotokov is studied, which the legendary Prince Dzhambulat Bolotokov belonged to, "the last one of the old knight generation of the Circassian princes. " Besides him, the most famous temirgoi princes are noted, including his cousin - "senior temirgoi Prince" Misheost Bolotokov. An important place is given to their predecessors - Prince Bezruko Bolotokov, who was trying to create a powerful military and political unification, joining all the "aristocratic" Circassian tribes "in one piece to secure their land and rights against external enemies: Abadzekhs, Shapsugs and Natukhais, but with the preservation of internal control of each tribe on the original terms". The causes of the fact are determined, that despite the periodical participation in hostilities against Russia, the main part of the Temirgoi people under the jurisdiction of the Prince Misheost Bolotokov hold to the solid pro-Russian orientation, which was mentioned by the commander-in-chief of the Russian troops in the Caucasus General A. P. Ermolov, who called Misheost Bolotokov "the most committed to Russia"

Ключевые слова: СЕВЕРО-ЗАПАДНЫЙ КАВКАЗ,
ЧЕРКЕСЫ, ТЕМИРГОЕВЦЫ,
КАВКАЗСКАЯ ВОЙНА, КУБАНСКАЯ ЛИНИЯ

Keywords: NORTH-WESTERN CAUCASUS,
CIRCASSIANS, THE TEMIRGOIS, CAUCASIAN
WAR, KUBAN LINE

Князь Джамбулат Болотоков. Знаменитый наездник, «владелец» племени темиргоевцев, наиболее известный представитель самого знатного и богатого рода среди племен «аристократических» черкесов, имевший «огромное влияние на Закубанский край... последний представитель рыцарского поколения прежних черкесских князей» [1].

Известный историк «Кавказской войны» В. А. Потто писал о нем так: «Джембулат [2]...вождь первенствующего племени (темиргоевцев – К. С.) и человек, заявивший себя отвагой, находчивостью и распорядительностью.

Джембулат действительно был достойным потомком своего прапрадеда Инала. С неустрашимостью он соединял необыкновенный дар красноречия, пронизательный ум, железную волю, скрытность и замкнутость азиата.

Суровый в общении, даже мстительный, он мог быть при случае и великодушен. Про него ходили целые легенды, и народные барды славили его подвиги в своих песнях» [3].

Имя, полученное им при рождении, было производным от двух персидско-тюркских слов. «Джам» («джамаг») – «боевой топор» и «булат» («болот») – «сталь» [4].

Следовательно, имя Джамбулат можно перевести как «стальной боевой топор». И, действительно, жизнь этого князя можно сравнить с широким и мощным взмахом этого боевого оружия...

В нашей статье мы углубимся в вопрос происхождения и статуса княжеской фамилии Болотоковых на рубеже XVIII – XIX вв., к которой принадлежал этот легендарный князь.

Как и положено княжескому адыгскому роду, свое происхождение Болотоковы вели от легендарного князя Инала и его сына Кемруга. Кемруг, старший из сыновей Инала, получил в наследство от отца титул «князь князей», то есть «великий князь Черкесии».

Впоследствии этот титул перешел к его старшему сыну Болотоко, потомки которого - князья Болотоковы вплоть до XIX в., назывались «князьями из князей Черкесии».

Изначально владения князя Кемруга простирались с запада на восток от побережья Черного моря до р. Лабы. Впоследствии эти земли были разделены между сыновьями Кемруга: Болотоко и Хатико [5].

Болотоко остался на месте пребывания своего отца Кемруга и сохранил за своими владениями старое название Кемиргой (далее в тексте работы Темиргой – К. С.), а от его брата Хатико «пошло» племя хатукаевцев.

Оставив за своими владениями старое название – Темиргой, князь Болотоко, видимо, хотел подчеркнуть преимущество над остальными отколовшимися землями, претендуя на наследство отца, на титул «князя князей».

Владения князей Болотоковых занимали в позднем средневековье земли между реками Кубанью, Лабой и Белой.

Княжеская власть в Темиргое считалась более развитой и абсолютной по сравнению с другими западно-адыгскими княжествами. В то время ни одна княжеская фамилия не имела в Черкесии такого авторитета и значения, как род Болотоковых [6].

По словам В. А. Потто знатность и древность темиргоевских князей «свидетельствуется, между прочим, двумя народными поэмами, дошедшими до нас из глубокой старины и составляющими перлы черкесской поэзии.

Одна из этих поэм – «Кыз-Бурун». В ней рассказывается о том, «как князь большой Кабарды хотят посадить для княжения над бесленеевцами одного из своих князей, тогда как у бесленеевцев еще остался наследником малолетний потомок Беслана.

Обе стороны вооружаются. Бесленеевцы, как слабейшие, приглашают к себе на помощь все закубанские черкесские племена и крымского хана».

В этом месте поэмы описываются все народы, участвовавшие в союзе, и перечисляются все княжеские и дворянские рода их.

«Бой происходит у Кыз-Буруна в Баксанском ущелье. Кабардинцы укрепляют свою позицию опрокинутыми арбами. Темиргоевцы разбрасывают арбы и врываются в укрепление. Победа остается за закубанскими черкесами, и кабардинцы отказываются от своих притязаний».

В другой исторической песне описывается взятие Дербента. «Здесь было все лучшее черкесское дворянство, и князья Болотоко отличились такой храбростью, что крымский хан дает этой фамилии титул «черного хана», – другими словами, он передает им все свои права и прерогативы там, где не управляет народом лично.

У черкесов поэма эта имеет такое же значение, как у нас родословные дворянские книги. И те фамилии, о которых не упоминается в песне, не могут считаться коренными дворянскими фамилиями» [7].

К числу темиргоевских владетелей эпохи господства Крымского ханства, относился князь КарбечБолотоков. Султан Хан-Гирей писал что, «во времена владычества крымских татар над черкесами-обитателями равнин, темиргойские князья постоянно были преданы...ханам, которые, желая отличить их преданность в пример другим, давали им многие преимущества над князьями прочих черкесских племен.

Темиргойцы вели кровавую войну с ногайцами [8]... и в одном сражении погибло лучшее их (темиргоевцев-К. С.) воинство, предводимое князем Карбечем, которого жизнь и подвиги, народными певцами воспетые, сохранятся в памяти черкес до тех пор, пока они не престанут говорить природным своим языком» [9].

Но, кроме фамилии Болотоковы, «темиргоевские владельцы» имели и другую, «позднейшую фамилию» - Айтеко, по имени одного из потомков князя Болотоко, что вызвало появление в российских документах «темиргоевских князей Айтековых».

Впоследствии это привело к тому, что князь ДжамбулатБолотоков в письменных российских источниках «проходил» чаще как Джамбулат Айтеко (Айтеков).

К концу XVIII века темиргоевское владение было разделено на два удела, в которых правили две ветви потомков темиргоевского князя АйтекаБолотокова – Хатажука и АсланбекаБолотоковых.

В последнюю четверть XVIII–начало XIX веков «большим», т. е. главным темиргоевским князем был Безруко Болотоков, который поставил целью своей жизни «спокойствие ему подвластных».

«Сей князь подчинил свое владение порядку и благоустройству» и темиргоевцы «почувствовали всю сладость спокойствия: по собственным их словам, в дни правления этого князя усталый путник в их владении мог спокойно отдыхать под тенью деревьев, не опасаясь разбоев.

Земледелец после дневных трудов, возвращаясь домой, оставлял свой плуг с сохой и весь сельский скарб в поле и на другой день все находил в целости. Стада паслись без вооруженных пастухов. Женщины с детьми ходили в окрестностях тех аулов, где прежде и после этого и мужчины вооруженные не были безопасны.

Впрочем, рассказывают, что по его приказаниям совершались преступления ужасные, но долговременное спокойствие, которое он доставил темиргойцам, должно примирить их потомство с его памятью, помраченную некоторыми варварскими его поступками, человечеством и честью отвергаемыми» [10].

Впоследствии Безруко Болотоков «вознамерился соединить все княжеские владения (т. е. все «аристократические черкесские племена» - К. С.)...в одно целое для защищения своих земель и прав противу внешних врагов: абадзехов, шапсугов и натухайцев», но с сохранением внутреннего управления каждого племени «на прежних основаниях».

План Безруко «прекрасно обозренный и от приведения в исполнение которого должны были произойти важные перевороты в Черкесии, сокрушился с его смертью».

Летом 1808 года он погиб в сражении с абадзехами на реке Ульи был похоронен в мавзолее, возведенном на реке Гиаге. По словам Султана Хан-Гирея, «вместе со смертью Безруко миновало и благоденствие темиргойцев» [11].

Что касается линии взаимоотношений Безруко Болотокова с российскими властями, то здесь можно высказать следующее предположение – проживая на закубанской равнине, племя темиргоевцев часто «попадало между молотом и наковальней», которыми выступали Россия и Турция, а также мирные и враждебные России закубанские «владельцы» и целые племена.

Довольно часто темиргоевцам [12] приходилось отвечать своими людьми, аулами и угодами за чужие ошибки и прегрешения. Вот один из таких примеров.

10 февраля 1805 г. за Кубань отправился отряд генерал-майора Ф. М. Шеншина (два батальона пехоты Суздальского полка, 800 казаков и 4 орудия). Цель похода - возвращение «в русские пределы» сбежавших в 1804 году и остававшихся за Кубанью беглых российских подданных – прикубанских ногайцев и абазинов [13].

Во время движения отряда к аулам беглецов, войска выдержали несколько боев и стычек. Так, в землях хатукаевцев, ими были разорены три аула князя Аслан-Гирея Керханова. В «деле» 12 февраля у одного из этих аулов, был убит майор Суздальского полка Алексеев, ранен 1 офицер, убито 3 и ранено 11 солдат.

Затем отряд вошел в «землю темиргоевцев до аулов князя Безруко Айтеко», но своей цели так и не достиг – ногайцы и абазины ушли далеко в

горы. 18 февраля отряд Шеншина, не достигнув своей цели, вернулся в Усть-Лабинскую крепость.

Правда, вскоре, благодаря двухмесячным усилиям ногайского пристава генерал-майора Султана Менгли-Гирея, из-за Кубани вернулись почти все беглецы - 51 ногайский аул и 710 абазинских семей [14].

По словам казачьего историка А. Д. Ламонова, до этой экспедиции закубанские черкесы, кроме бежавших за Кубань так называемых «беглых кабардинцев» и последовавших за ними ногайцев, жили с казаками (речь идет о линейных казаках Кубанского и Кавказского полков – К. С.) относительно мирно, особенно бесленеевцы и темиргоевцы.

Несправедливое разорение их собственных аулов породило в них «ужасное остервенение и фанатизм против русского населения» [15].

В начале очередной российско-османской войны 1806-1812 гг. [16] – в марте 1807 г. анапский паша обратился к князю Болотокову с просьбой сообщить «кабардинцам, что он скоро будет на Кавказской Линии для ее завоевания...и чтобы они помогали ему в том случае».

Но Безруко Болотоковотнесся к его предложению довольно сдержанно. Представителю анапского паши, посетившему владетельного князя Темиргоя с письмом, он ответил, что паше не верит и помогать против России «пока не увидит пришедшего к Анапе турецкого войска» он не будет «и других приглашать не намерен» [17].

Второе письмо к князю Болотокову содержало новые уверения в скором прибытии паши с большим войском. К письму «прилагалась» лошадь с двумя переметными сумами, наполненными червонцами, которые паша просил раздать наиболее приверженным туркам закубанским черкесским князьям и кабардинцам.

Но и второе письмо анапского паши не заставило Безруко немедленно начать активные действия, тем более, что подобный финансовый рычаг воздействия на закубанских «владельцев» применяли и российские власти.

Так, в апреле 1807 года, генерал-майору Ф. М. Шеншину было предписано «владельцев князей» темиргоевцев, «атихойцев», наврузовцев и махошевцев «как можно ласкать и удерживать их в расположении к России», для чего командованию на Линии была послана очередная сумма в 200 золотых голландских червонцев и дано разрешение продавать им в определенных количествах просо.

В ответ Шеншин отрапортовал, что «владельцы князьки темиргойский, «атихойский», наврузовский и махошевский, а также некоторые из бесленеевских нам преданы и совершенно отказались от соединения с турецкими войсками» [18].

Но, несмотря на эту уверенность российского генерала, «весной 1807 года, когда спала вода в Кубани, на Линии начались нападения черкес самые чрезвычайные, какие они с таким усилием и успехами никогда ранее не производили» [19].

28 апреля 1807 г. около 200 закубанцев «прорвали кордон между Погорелым и Державным постами» и, «с превеликим криком и пальбой из ружей», напали на село государственных крестьян-однодворцев Сенгилеевское (Богоявленское).

За два часа грабежа было сожжено 6 домов, убито, утоплено и сожжено живыми 34 человека, ранено 24 и взято в плен 102 «души», отогнано 588 лошадей и 1355 голов рогатого скота, «огрблено денег на 721 рубль».

Такой погром был следствием паники невооруженных крестьян, которые не смогли дать «хищникам» отпора. А вот 7 рядовых Суздальского полка, ночевавших в селе, отбились сами и спасли от грабежа несколько домов [20].

23 мая 1807 года несколько тысяч конных черкесов, под предводительством князя Султан-Гирея (по другим сведениям - Султанбея) перешли Кубань, блокировали на Беломечетском посту команду

донских казаков урядника С. И. Попова, а затем напали на станицу Воровсколесскую Кубанского линейного полка, в которой находилась штаб-квартира донского полка войскового старшины Ф. М. Персиянова (Персиянова 1-го).

В станице, на ее улицах и в домах, развернулся большой бой. Всоседнем Воровсколесском редуте отбивались окруженные горцами солдаты 16-го Егерского полка и драгуны Нижегородского полка.

В конечном итоге донцы Персиянова (52 казака вместе с ним) и часть линейцев Кубанского полка смогли, вытеснив горцев за станичную ограду, спасти часть жителей, полковые знамена и оружие, «положив на месте» до 300 горцев. От полной гибели станицу спасли подоспевшие 2 эскадрона драгун Нижегородского полка с артиллерией, которые окончательно отогнали «скопище» горцев от станицы.

Общие потери за этот набег: убито много людей, горцы захватили в плен 136 мужчин и 179 женщин, забрали скот и имущество.

24 мая, на Беломечетском посту, возвращавшуюся партию атаковали донцы С. И. Попова, которые на день раньше пропустили ее через границу - 15 горцев убито, отбито 8 пленных.

При дальнейшем преследовании «партии» за Кубанью, 25 мая, у Большого Зеленчука, донские казаки пленили «бесленеевской фамилии муллу». Еще дальше, у Каменного Моста, войска смогли отбить еще небольшое количество скота и пленных.

Судьба пленников, увезенных за Кубань, была разной. Так, во время боя в станице, была захвачена в плен семья Персиянова (жена, приемная дочь и двое внуков). Горцы потребовали за них 1000 рублей, таких денег у войскового старшины не было. Они были взяты им в долг «из войсковых сумм Войска Донского», а его поручителем стал полковник Быхалов 1-й. Семью Персиянова выкупили, но через год, когда подошел срок уплаты,

он сделать этого не смог. Тогда полковник Быхалов внес в казну свои деньги [21].

Описав два удачных набегазакубанцев на Кубанскую Линию в 1807 году, мы, справедливости ради, отметим, что «следа» погибшего в 1808 году князя Безруко Болотокова в них не было.

Путешествовавший по Кубани в 1808 году немецкий ученый Юлиус фон Клапрот так описывал «многочисленное черкесское племя в 5000 семей, именуемое татарами темиргой», которое подчиняется «князю Айтеко»: «все племя темиргой владеет более чем 40 селами и может выставить до 2000 вооруженных людей. Ныне они пребывают во враждебных отношениях с кабардинскими князьями, но в добром согласии с бесленеями, мухошами и бжедухами. Объединенные силы всех этих союзников образуют армию, по меньшей мере, в 5000 человек.

Темиргой богаты и самые чистоплотные из всех черкесов. Все их села укреплены. Воздвигнутые крест-накрест столбы, сверху защищаемые колючим кустарником, образуют непроходимый барьер для их врагов из абассинских горных племен «туби» и «убух», с которыми у них происходят частые столкновения.

Их самым могущественным князем является Безруко, из рода Айтеко, сын вышеупомянутого АтажукаАйтеко; а другие являются его братьями, старшего из которых зовут Мисост. Его племянники тоже занимают влиятельное положение».

Интересный факт – «ИсмаилТлекушук, объявленный на Линии князем, является лишь узденем Безруко». Этот уздень «...не особо чтимый в своем роде и среди иных кланов, безвозмездно снабжался большим количеством соли только потому, что подстрекал своих родственников [22]к набегам на русскую территорию, брал половину добычи в качестве своей доли, а затем возвращал ее русским командирам, прикидываясь, что он сам отбирал ее у грабителей.

За эти мнимые услуги ему был присвоен русский чин, и он добился самых лестных свидетельств со стороны русских главнокомандующих» [23].

После гибели в сражении с абадзехами в 1808 году князя Безруко Болотокова, большим темиргоевским князем и прямым владельцем одного из двух уделов (удел потомков Хатажука Болотокова, условно его можно назвать «равнинным» - К. С.) стал родной брат Безруко – МишеостБолотоков (в российских документах чаще всего называемый Мисост, иногда МисостАйтеко).

Править другим уделом (удел потомков АсланбекаБолотокова с условным названием «предгорный» – К. С.) стал его двоюродный брат ДжамбулатБолотоков.

Но мы вернемся в события 1809 года. Смерть князя Безруко Болотокова, «убитого за верность русским», сблизил прежде враждовавшие «два закубанских сильнейших народа» - темирогевцев и абадзехов на общей, подогреваемой турками-османами, антироссийской почве.

К началу 1809 года преемник погибшего Безруко – Мишеост Болотоков, заключил мир с абадзехами, решив весной переселиться со своими подвластными от Кубани ближе к их землям.

Это не могло не вызвать у российского командования на Кубанской Линии беспокойства – 24 февраля генерал-майор Ф. М. Шеншин рапортовал генералу Булгакову: «...владелец Темиргойского народа Мисост Безруко (брат и наследник истинно бывшего преданного нам и прошедшего лета убитого в сражении с абадзехами)» намеревается «...отклоняясь от России, обще с ними делать впадения и грабежи и что в последние впадения он, Мисост, был со многими своими подданными» [24].

Чтобы оправдаться в глазах российских властей, 22 марта 1809 года Мишеост прибыл к Шеншину для переговоров и через узденей, посланных им через реку в Усть-Лабинскую крепость, объявил, что «возвращает все похищенное в прошлом феврале месяце и впредь обязуется, как и брат его покойный Безруко был приверженный к России и что от Прочного Окопа до Черноморского войска за тишину отвечает, доставлять впредь пленных и беглых, довод, через который он не воспрещал своим подданным, делать хищничества, есть тот, что он, видя своих узденей награжденных от всеавгустейшего монарха, сам остается и поныне будто без признания за владельца» [25].

Правда, в последующее время, князь Мишеост не выполнил своих обещаний, приняв участие в боевых действиях в рядах закубанских «владельцев» проосманской ориентации.

В конце мая 1809 года он, после окончания перемирия в военных действиях между Россией с Турцией и появлении слуха о прибытии в Закубанье 12000-го турецкого войска, снова стал «колебаться в сохранении присяги и по ветрености своей вступил с абадзехами в дружескую связь для грабежа в русских пределах» [26].

Последствия такого решения не заставили себя долго ждать...

30 мая 1809 года закубанские князья-лазутчики Лоов(абазин) и Каспулатов (ногаец) объявили генерал-майору Шеншину, что егерухаевцы, абадзехи и темиргоевцы «решили сделать удар в границы наши и будто анапский паша уведомил закубанцев, что будет доставлять им порох и свинец, лишь бы делали нам беспокойства».

Известие оказалось верным – закубанцы два раза за май-июнь 1809 г. пытались перейти через Кубань – на Романовском броду возле Кавказской крепости и между Темижбекским и Терновым редутами, но оба раза были отбиты отрядом подполковника Петрякова.

В июне 1809 г. «конфидент» (лазутчик) из-за Кубани снова донес, что «МисостАйтеко налаживает мир с абадзехами, хочет перейти за Белую» и «уже хлеб там посеял». Это сведение подтвердилось – абадзехи и темиргоевцы, после упомянутого нами примирения, стали готовиться к большому набегу на Кубанскую Линию [27].

Он последовал в начале ноября, когда на Уруппе собралось несколько тысяч закубанцев, для «впадения в кордон Линии».

7 ноября 1809 года «большая партия», примерно из 5000 закубанцев из числа бесленеевцев, темиргоевцев, ногайцев-наврузовцев, абадзехов, абазин-баракаевцев, шапусгов и представителей «других закубанских народов», переправилась через Кубань ниже Прочного Окопа, напав на однодворческое село Каменнобродское и окрестные хутора на реке Егорлык.

Село было захвачено врасплох – часть жителей бросилась в степь, часть укрылась в строящейся церкви. Ворвавшись в храм, черкесы «устроили жуткую резню... церковный помост был облит кровью и завален трупами», а тех, кто сопротивлялся, они сбрасывали с церковной кровли.

Страшно разорив село и оставив на месте «105 убитых жителей обоего пола», закубанцы с большим количеством пленных, захваченных лошадей и рогатого скота (до 5000 голов) пошли назад к Кубани.

Решив обмануть преследователей, «партия» пошла обратно другим путем – не на Прочный Окоп, а на Терновый редут в окрестностях станицы Григориполисской.

Но здесь их уже поджидал отряд майора Данилевского (4 эскадрона драгун Владимирского полка, рота пехоты Суздальского полка, 100 казаков, 2 орудия) и подоспевший к ним (за ночь и часть дня они одолели почти 100 верст) отряд генерала Булгакова (3 роты егерей, 3 эскадрона драгун, 300 казаков, 6 орудий). К началу боя к ним успели присоединиться казачьи команды с близлежащих постов.

Завязалось ожесточенное сражение, в котором горцы «дрогнули, показали тыл и бросились бежать вдоль Кубани». Войска преследовали их 14 верст, до реки Терс-Зеленчук. В ходе боя был отбит почти весь угнанный скот и большинство пленных.

В этом набеге закубанцы потеряли до 500 человек убитыми, утонувшими и очень много ранеными; так одних черкесских князей и дворян было убито 55 человек.

Потери войск – сильно контужен майор Данилевский, 11 (по другим сведениям 12) убитых и 18 раненых солдат.

Для жителей села Каменнобродского этого набег имел ужасные последствия – общее число убитых и захваченных в плен составило 488 человек, имущества и скота было разграблено на сумму 83739 рублей. В селе почти каждая семья понесла потери от этого набега [28].

Осознав свою ошибку, князь МишеостБолотоков ринулся ее исправлять. 29 октября 1810 года генерал Булгаков получил от кордонного начальства сведения, что «известный темиргоевский владелец МисостАйтеков», прибыв к Усть-Лабинской крепости, «убедительнейшее просил прощения, принося чистосердечное раскаяние в дурных своих и вероломных поступках противу нас».

Для «испрошения милосердия» он был готов «явиться к Высочайшему двору» и в знак раскаяния возвращает «состоящих у него наших пленных».

В ответ на эти предложения темиргоевского князя генерал Булгаков ответил, что «не может и не смеет просить о нем вышестоящее начальство, доколе он не учинит вновь присяги, не даст в сохранение ее аманата и сейчас же не возвратит всех пленных» [29].

В конечном итоге прекратить периодическое участие в боевых действиях против России и вернуться к твердой пророссийской ориентации князя МишеостаБолотокова окончательно подвигли коренные изменения в политике России на Кавказе в 1811 году.

К этому времени в российском правительстве уже никто не сомневался, что большой войны с Наполеоном на западных границах империи не избежать. Отсюда последовал вывод, что надо быстрее прекращать войну с Турцией и существенно менять свои взаимоотношения с кавказскими племенами.

В Петербурге было принято решение об укреплении влияния среди горцев «посредством торговых сношений», для чего император Александр I повелел развернуть меновую торговлю по Кавказской Линии в соответствии с решением Комитета Министров от 6 июля 1810 г.

В специальном «Положении о меновой торговле...» оговаривалось, что она устанавливается, чтобы «приобрести доверие горцев» и отвести от них влияние Турции [30].

В 1811 г. на Кавказской Линии учредили 6 меновых дворов: Усть-Лабинский, Прочноокопский, Константиногорский, Прохладненский, Лашуринский, Наурский (впоследствии, на Кубанской Линии, был открыт ещё один двор на так называемом «Овечьем броде»).

При четырех дворах – в Усть-Лабе, Прочном Окопе, Константиногорске и Прохладной - были заведены соляные магазины.

Кроме них, в земле Черноморского войска, еще с конца XVIII в. уже существовали свои войсковые меновые дворы.

Основной предмет торговли – дефицитная в среде закубанцев соль (единственный выход солончаков в Закубанье - р. Казьма в 40 верстах от крепости Прочный Окоп), а ведь без этого природного консерванта нельзя сохранить на зиму мясо, будут подвергаться падежу овцы и т. д. [31].

Продажа соли закубанцам стала выступать мерилем их лояльности к России, ведь ее выделяли только «покорным». Одновременно с решением открыть меновые дворы, 10 октября, Комитет Министров учредил «Попечительство торговли с черкесами и абазинцами» для торговли на черноморском побережье.

Для этого «Попечительства...» Александр утвердил «Правила для торговых сношений с черкесами и абазинцами». В должности попечителя был утвержден генуэзский коммерсант, советник Министерства иностранных дел Рафаэль Августинович де Скасси.

Его торговые операции из Анапы начались в октябре 1811 г. и были довольно удачны, правда вскоре, по условиям Бухарестского мирного трактата 1812 г., деятельность Скасси на побережье была свернута и продолжена на территории земель Черноморского войска [32].

Когда до закубанцев дошла весть об учреждении меновых сношений, к генералу Булгакову явился наврузовский «владелец» с удостоверением верноподданнической покорности и извещением, что и другие закубанские племена желают вступить в подданство России.

Вскоре представители некоторых племен объявили посланному к ним офицеру намерение возвратить захваченных людей, скот и изъявили желание производить торговлю.

Из произведенного офицером исследования выяснилось, что нужнее всего для горцев были хлеб и соль, а за них можно выменивать коровье масло, сало, мед, воск, скот, кожи и т. д.

Уже после фактического открытия меновых дворов, за Кубань был послан генерал-майор Султан Менгли-Гирей «для взятия присяги на подданство» и пробыл там с марта по июль 1811 г.

В «вечное подданство» России вступили и подписали присяжные листы закубанские ногойцы, бесленеевцы, башильбаевцы, махошевцы и темиргоевцы во главе с князем Мишеостом Болотоковым [33].

Интересная деталь – Султан Менгли-Гирей упомянул, что они будут верны присяге, если «будут удовлетворены безостановочно всем тем, что от Российского начальства им предобещано» (т. е. соль и хлеб).

Свою лояльность закубанские «владельцы» доказывали следующим – с 23 июля по 24 сентября, «по повелению генерала Портнягина и

МисостаАйтеко» команды донских казаков «от темиргоевцев неоднократно были посылаемы для розыска хищников, собиравшихся к грабежу в пределах России» [34].

10 февраля 1812 года, «по просьбе темиргоевского владельца МисостаАйтеко», «...в уважение его преданности к России и верного соблюдения присяги на подданство» генерал Портнягин разрешил пропустить за Кубань трех армян из г. Нахичевана-на-Дону с товарами для темиргоевцев без уплаты пошлин, но со взятием подписок о продаже товаров только людям Мишеоста.

Кроме того, подвластные ему темиргоевцы могли проезжать «в пределы России» по упрощенной процедуре «карантинного очищения...с пристойным конвоем для безопасного проезда».

НаУсть-Лабинском меновом дворе, где они торговали, приказывалось «строжайше наблюдать, дабы никакого злоупотребления, притеснения и обид тем народам не было».

2 сентября 1812 года «в уважение оказываемой преданности МисостаАйтеко», который пообещал «отвечать за все похищения в границах России против его владений», генерал Портнягин приказал:

1. Ради удобства торговли с черкесами перенести Усть-Лабинский карантин к меновому двору.

2. Для самого МишеостаБолотокова упростить саму карантинную процедуру.

3. За грубость, оказанную Мишеосту и его людям, сместить комиссара карантина.

4. Разрешить людям Болотокова набрать для корма скоту 400 арб соляной грязи из озер возле села Новотроицкого [35].

В том же году главный темиргоевский князь принял посильное участие в так называемой «авантюре поручика Лейб-Гвардии Конного

полка Соковнина» (на самом деле - сыне «содержателя Московского благородного собрания» англичанина Медокса).

«Поручик Соковнин» прибыл на Кавказ, чтобы исполнить волю императора Александра I «о наборе войск из Черкес и различных племен Кавказского Народа», для участия в Отечественной войне 1812 года.

Подтвердив свои полномочия поддельными бумагами, и получив «казенные 10 000 рублей», он, вместе с князем Бековичем-Черкасским, который потратил для этой цели и свои деньги, начал создавать в Моздоке ополчение из кабардинских князей и узденей, для чего каждый вербуемый им кабардинец «получал для полного вооружения деньги, не более 500 рублей».

В этом деле ему активно помогал начальник Кавказской Линии генерал-майор Портнягин, который поручил ногайскому приставу, князю Султан Менгли-Гирею «сделать подобный набор относительно закубанских народов».

Затем, вместе с «поручиком Соковниным», Портнягин поехал с этой целью по крепостям Кубанской Линии. В Усть-Лабинской крепости Портнягин, кроме ногайского пристава, «обязал темиргойского владельца МисостаАйтекова постараться о наборе войска из закубанцев». МишеостБолотоков «обещал это и обнадежил» генерала Портнягина.

Но вскоре «аванюра Соковнина» была раскрыта – черкесское ополчение так и не попало на поля сражений Заграничного похода русской армии 1813-1814 гг. [36].

Последовательную пророссийскую ориентацию князя в эти годы отмечал и главнокомандующий войсками на Кавказе генерал А. П. Ермолов – в августе 1819 года он называл МишеостаБолотокова «наиболее всех приверженного России» [37].

Довольно интересным для нас будет текст письма Ермолова «к закубанскому владельцу МисостуАйтекову от 28 июля 1818 года», где есть

такие строки: «Давно желание стремилось мое познакомиться с Вами лично; но, к крайнему моему сожалению, даже в бытность мою на Кубани не имел сего случая, стол для меня приятного».

Относительно просьбы МишеостаБолотокова, чтобы «отправляемых в границы наши подвластных князю людей за солью» пропускать в больших количествах «без карантинного очищения», Ермолов отвечал, что «...почтенный благоприятель мой, сколь ни желал я сделать Вам угодное» но могу дать свое согласие только на 500 арб с «выдержанием карантинного термина (срока – К. С.) «ибо имею на сие строжайшие повеления» от государя.

«Что же касается до прибытия Вашего для свидания со мной в лагерь, о чем ко мне пишете...то по приезде моем в Георгиевск не премину письменно вас уведомить, где мы будем иметь свидание.

Продолжайте ко мне, благоприятель мой, Вашу дружбу и благосклонность моя к Вам будет навсегда непременно» [38].

О «внутрисемейных» взаимоотношениях клана темиргоевских князей за это время, можно сказать следующее - периодически между двумя княжескими группировками братьев Болотоковых происходили междоусобные войны – «одна сторона их и большая часть народа более оказывала с давних времен приверженность к России, в то же время другая искала постыдную помощь у абадзехов - убийц Безруко и разоряла свою родину» [39].

И, действительно, если МишеостБолотоков, за редкими случаями, придерживался пророссийской ориентации, то его брат Джамбулат был сторонником проосманской.

В. А. Потто описывал эту ситуацию так: «Темиргоевцы делились на две части, управляемые членами одной и той же фамилии. Одна часть, обитавшая в верховьях Лабы и имевшая во главе своей Джамбулата, питала непримиримую вражду к России; другая, сидевшая по левому

берегу Кубани, напротив, была сторонницей русского протектората и дорожила своим положением» [40].

Особенно сильно это проявилось после появления за Кубанью в 1822 г. большой переселенческой волны так называемых «беглых кабардинцев», когда около 15 000 человек ушло из Кабарды в Закубанье и поселилось среди карачаевцев, абазин и бесленеевцев по течению рек Зеленчуков и Урупа.

В 1823-1825 гг. практически все серьезные тревоги и погромы сел на Кубанской Линии были связаны с именами «беглых кабардинских князей» и Джамбулата Болотокова.

Таким образом, в начале 1820-х годов некогда единое темиргоевское княжество фактически расколосось на два удела, которые управлялись двумя враждовавшими между собой «по внешнеполитическому вопросу» братьями.

Удел Джамбулатана находился между реками Лаба и Белая, вверх по течению последней от устья р. Пшехи до Майкопского ущелья. Кроме темиргоевцев, на этой территории проживали находящиеся под его покровительством абадзехи, егерухаевцы, махошевцы и «беглые кабардинцы».

Удел Мишеоста находился ниже Джамбулатовского, протянувшись до р. Кубани. В нем, кроме темиргоевцев, проживавших между реками Лаба и Белая, были расселены: адамиевцы – вверх по обоим берегам р. Белой от Кубани; хатукаевцы – по левому берегу Кубани, вверх по ее течению от устья р. Белой; черкесо-гаи – на р. Белой у Большой черкесской дороги и на левом берегу р. Лабы (у аулов МишеостаБолотокова);жанеевцы – по р. Белой; бжедуги – на правом берегу р. Лабы и левом берегу Кубани.

На правом берегу р. Лабы, напротив аулов МишеостаБолотокова, были расселены аулы ногайских татар [41].

Впрочем, понятие «междоусобные войны» не обязательно включало в себя прямые боевые схватки княжеских ополчений. Один из таких примеров описан Хан-Гиреем. Когда в «возгоревшейся междоусобной войне» ополчения двух братьев Болотоковых сошлись для боя, все кончилось переговорами, хотя «некоторые партии и молодые наездники с обеих сторон выезжали с развевающимися знаменами».

Кровопролития не произошло, благодаря усилиям Бесленея Аббата – одного из распорядителей (шухатий) в партии Джамбулата, действовавшего с помощью старшин, «желавших предупредить кровопролитие» и разгонявших наиболее ретивых наездников.

Во время своих набегов на Линию ДжамбулатБолотоков старался не трогать аулов своего брата. Так, мае 1823 г., он говорил, что «когда бы не жалел он петисовцев (аул подвластного Мишеостуи убитого в этом году ногойского «узденя первой степени» Магомет-ГиреяПетисова – К. С.), то непременно сделал бы прорыв на Казанскую станицу» [42].

В свою очередь Мишеост старался отвратить брата от излишней конфронтации с российскими властями. В декабре 1825 г. МишеостБолотоков заверял российское командование в том, что при попытке ДжамбулатаБолотокова напасть на хутора за Кавказской крепостью, он «к предприятию сего дела их не допустит, если не силен будет возвратить, то известиями своими на Лабинский карантин ... предостережет» [43].

В заключение рассказа о роде князей Болотоковых мы не можем не подчеркнуть ихособый политико-правовой статус во всем Закубанье. Недаром же «...темиргойцы отличаются от всех черкесских племен безусловною покорностью власти своих владельцев».

Так, например, они были одной из редких княжеских фамилий которые учредили для себя цену за кровь «невозможную к выплате». Это было «известное число панцырей самых лучших в крае, луки с колчанами

и оружие первое в крае, кони самых высоких статей, пара черных борзых без всяких отметин и прочее».

Такая уплата за кровь была невозможна и только от желания фамилии Болотоковых зависело принимать какую-либо плату и помириться с виновным или нет [44].

Темиргоевские князья были очень богаты еще и потому, что на их землях находилась «столица» закубанских купцов, черкесо-гаев – аул Гяурхабль (Джяур-хабль). Он считался «самым богатым и старейшим армянским аулом». В нем часто находились и духовные армянские лица, что придавало аулу значение их духовного центра [45].

В собственности Джембулата Болотокова находился один из двух «драгоценнейших панцирей в Черкесии» – доспех с личным названием «шакшар», который по легенде принадлежал «халифу Али, зятю Магомета. За него было заплачено 30 душ обоего пола».

Легенда об этой кольчуге повествует, что «однажды халиф Али, ложась спать, взглянул на свою кольчугу, и ему пришла мысль, что если бы кольчуга была немного длиннее, то гораздо была бы и превосходнее. Поутру же вставши, он заметил, что кольчуга стала длиннее на четверть аршина и вновь приросшие кольца были белы как молоко.

Сверх того, говорят, что будто бы тот, кто выстрелит в воина, одетого в «шакшар», умрет тяжелой, продолжительной болезнью, если только тот, на ком кольчуга, прокричал пред сражением трижды, что на нем заветный «шакшар».

«Несколько лет тому назад один бедный дворянин, служивший у владельца этой кольчуги, будучи им недоволен, бежал от него и унес эту драгоценность.

Это было зимою, и он, будучи пеш, был до того утомлен, что зарыл кольчугу в стог сена на поле, а сам отправился далее; княжеская же погоня, пустившаяся за беглецом по следам его, доехав до стога сена, как-то

нечаянно нашла в нем спрятанный панцирь. Этот случай увеличил суеверие относительно сверхъестественности «шакшара».

Напрасно стали бы уверять, что «шакшар» такой же панцирь, как и другие, и что если в нем белые кольца, то они также сделаны человеческой рукой, и разница вся в том, что белые кольца из другого металла, и одна усталость была причиной, что беглый дворянин дурно и небрежно спрятал кольчугу в сене, желая сам скорее достигнуть безопасного места от преследователей; и что все рассказы о том, будто бы кольчуга сжимала его и не давала свободно идти и прочее, суть не более как выдумка, чтобы скрыть свою боязнь, оказанную им при бегстве.

Все эти слова будут тщетны; вам никто из туземцев не поверит» [46].

Список использованной литературы и источников.

1. Сталь К. Ф. Этнографический очерк черкесского народа // Кавказский сборник. Тифлис, 1900. Т. 21. С. 84.
2. В различных документах имя князя писалось и произносилось по-разному – Джамбулат, Джембулат, Джамбот, Дянболет и др.
3. Потто В. А. Кавказская война. Ставрополь, 1994. Т. 5. С. 293.
4. Казиев Ш. М., Карпеев И. В. Повседневная жизнь горцев Кавказа в XIX веке. М., 2003. С. 231.
5. Кагазежев Ж. В. К вопросу образования черкесских княжеств // Режим доступа: <http://archivesjournal.ru/?p=807>.
6. Там же.
7. Потто В. А. Указ. соч. С. 294-295.
8. Яркий пример сложности черкесско-крымских отношений – «преданные крымским ханам» темиргоевцы, тем не менее «вели кровавую войну» с подвластными Крыму ногайцами.
9. Хан-Гирей. Записки о Черкесии. Нальчик, 1978. С. 176-177.
10. Хан-Гирей. Указ. соч. С. 177-178; Кандор Р. С. Князя Болотоковы в конце XVIII в. – 40-е гг. XIX в. // Режим доступа: <http://www.kandor.ru/st7.htm>.
11. Акты, собранные Кавказской археографической комиссией (далее в тексте – АКАК). Тифлис, 1869. Т. III. С. 662; Хан-Гирей. Указ. соч. С. 177-178.
12. Хотя, по мнению Л. И. Лаврова, правильнее было бы говорить не «Темиргой» и «темиргоевцы», а «Чемгуй» и «чемгуи».
13. «Абазинцы в прошлом 1804 году уже в третий, а ногайцы первый раз бежали за Кубань» (АКАК. Т. II. С. 973).
14. Государственный архив Краснодарского края (далее в тексте - ГАКК). Ф. 670. Оп. 1. Д. 5. Л. 33 об-34, Ф. 396. Оп. 1. Д. 8407. Л. 57; АКАК. Тифлис, 1868. Т. II. С. 942, 946; Потто В. А. Указ. соч. Т. 1. С. 617-618.
15. ГАКК. Ф. 670. Оп. 1. Д. 5. Л. 34.

16. Здесь будет уместно привести следующий факт - в письме натухайских «владельцев» шефу 14-го Егерского полка полковнику Штетеру от 12 апреля 1803 г. говорилось, что они «Оттоманской Порты подданные», и когда между Россией и ней «время мирное и мы с вами в мире, а при случае войны с турками, то должны и мы вам быть неприятелями». (Российский государственный военно-исторический архив (далее в тексте – РГВИА). Ф. ВУА. Д. 6168. Л. 100).

17. АКАК. Тифлис, 1869. Т. III. С. 653.

18. АКАК. Тифлис, 1869. Т. III. С. 653, 661.

19. Толстов В. Г. История Хоперского полка. Тифлис, 1900. Т. 1. С. 156-157.

20. РГВИА. Ф. 482. Оп. 1. Д. 18. Л. 2; АКАК. Тифлис, 1869. Т. III. С. 631-632; Толстов В. Г. Указ. соч. Т. 1. С. 158.

21. РГВИА. Ф. 482. Оп. 1. Д. 18. Л. 2-3; Государственный архив Ростовской области (далее в тексте – ГАРО). Ф. 341. Оп. 1. Д. 223. Л. 13об-14, Д. 431. Л. 237-238об; АКАК. Тифлис, 1869. Т. III. С. 632; Захаревич А. В. Участие донского казачества в обороне станицы Воронколевской 23 мая 1807 г. // Северный Кавказ: геополитика, история, культура: Материалы всероссийской научной конференции. Москва; Ставрополь, 2001. Часть 1. С. 131-133; Потто В. А. История 44-го драгунского Нижегородского Его Императорского Величества Государя наследника полка. СПб, 1893. Т. 2. С. 89-91; Толстов В. Г. Указ. соч. Т. 1. С. 158.

22. «Хашали Мохаммед из рода Кирай и другой Исмаил, которые являются знаменитыми среди темиргоевцев вожаками и грабителями» (Ю. Клапрот)

23. Клапрот Ю. Описание поездок по Кавказу и Грузии в 1807 и 1808 годах. Перевод с английского К. А. Мальбахова. Нальчик, 2008. С. 126-127, 139.

24. АКАК. Тифлис, 1869. Т. III. С. 662.

25. АКАК. Тифлис, 1869. Т. III. С. 662-663.

26. АКАК. Тифлис, 1869. Т. III. С. 663.

27. АКАК. Тифлис, 1870. Т. IV. С. 822, 885.

28. РГВИА. Ф. 15264. Оп. 1. Д. 6. Л. 1-2; ГАРО. Ф. 344. Оп. 1. Д. 287. Л. 110об. - 115; Государственный архив Ставропольского края (далее в тексте – ГАСК). Ф. 87. Оп. 1. Д. 538. Л. 1-2; АКАК. Тифлис, 1870. Т. IV. С. 822-823, 884; Колесников В. А. Оздворцы-казаки. К 200-летию со дня основания Рождественской, Каменнобродской, Сенгилеевской и Новотроицкой станиц. СПб., 2000. С. 108-111; Толстов В. Г. История Хоперского полка. Т. 1. С. 159; Щербина Ф. А. Очерки борьбы русских с черкесами. Исторические очерки. Екатеринодар, 1912. Вып. 1. С. 59-61.

29. АКАК. Тифлис, 1870. Т. IV. С. 888.

30. Покровский М. В. Русско-адыгейские торговые связи. Майкоп, 1957. С. 25-26; Чекменев С. А. Развитие торговли в Ставрополье и на Кавказской Линии // Дон и степное Предкавказье. XVIII - первая половина XIX в. Ростов н/Д., 1977. Ч. 1. С. 195-196.

31. РГВИА. Ф. 13454. Оп. 2. Д. 564. Л. 3, 5-6; ГАСК. Ф. 22. Оп. 1. Д. 3. Л. 21, Ф. 79. Оп. 1. Д. 728. Л. 3-4, Ф. 87. Оп. 1. Д. 641. Л. 1-2; Скасси Р. А. Извлечение из записки о делах Черкесии, представленной господином Скасси в 1816 году // Адыги, балкарцы и карачаевцы в известиях европейских авторов (далее в тексте – АБКИЕА). Нальчик, 1974. С. 281-282.

32. Скасси Р. А. Указ. соч. С. 282-283.

33. ГАКК. Ф. 670. Оп. 1. Д. 5. Л. 35; Шамрай В. С. Краткий очерк меновых (торговых) сношений по Черноморской кордонной и береговой линии с закубанскими горскими народами с 1792 по 1864 г. Кубанский сборник. Екатеринодар, 1902. Т. 8. С. 364-365.

34. ГАРО. Ф. 344. Оп. 1. Д. 223. Л. 13об. -14; АКАК. Тифлис, 1870. Т. IV. С. 837-839, 929.
35. ГАСК. Ф. 459. Оп. 2. Д. 2080. Л. 430; ГАКК. Ф. 670. Оп. 1. Д. 5. Л. 10об-12об, 35; Колесников В. А. Оdnодворцы-казаки... С. 114; Шамрай В. С. Указ. соч. С. 365-366.
36. Дебу И. Л. О Кавказской линии к присоединенном к ней Черноморском войске или Общие замечания о поселенных полках, ограждающих Кавказскую линию, и о соседственных горских народах. С 1816 по 1826 год. СПб, 1829. С. 179-181.
37. АКАК. Тифлис, 1875. Т. VI Часть II. С. 451.
38. АКАК. Тифлис, 1875. Т. VI Часть II. С. 478-479.
39. Абадзехи, как и сам князь, считали свое племя как бы «коллективным аталыком» Джамбулата, который часть своей юности провел в их среде.
40. Потто В. А. Кавказская война... Т. 5. С. 296.
41. АКАК. Тифлис, 1875. Т. VI. Ч. II. С. 488; Хан-Гирей. Указ. соч. С. 177-178; Торнау Ф. Ф. Воспоминания кавказского офицера. 1835-1838. М., 2000. С. 170. Кандор Р. С. Указ. соч.
42. Кандор Р. С. Указ. соч.
43. Хан-Гирей. Бесльный Абат // Черкесские предания. Нальчик, 1989. С. 212-213; Щербина Ф. А. История Армавира и черкесогоаев. Краснодар, 2010. С. 27; Кандор Р. С. Указ. соч.
44. Сталь К. Ф. Этнографический очерк черкесского народа. Составил генерального штаба подполковник барон Сталь в 1852 году // Режим доступа: http://www.vostlit.info/Texts/Dokumenty/Kavkaz/XIX/1840-1860/Stahl_K_F/text3.htm.
45. Щербина Ф. А. История Армавира и черкесогоаев. Екатеринодар, 1916. С. 29.
46. Хан-Гирей. Записки о Черкесии. Нальчик, 1978. С. 246-247.

References

1. Stal' K. F. Jetnograficheskiy ocherk cherkesskogo naroda // Kavkazskij sbornik. Tiflis, 1900. T. 21. S. 84.
2. V razlichnyh dokumentah imja knjazja pisalos' i proiznosilos' po-raznomu – Dzhambulata, Dzhembulata, Dzhambot, Djanbolet i dr.
3. Potto V. A. Kavkazskaja vojna. Stavropol', 1994. T. 5. S. 293.
4. Kaziev Sh. M., Karpeev I. V. Povsednevnyj zhizn' gorcev Kavkaza v XIX veke. M., 2003. S. 231.
5. Kagazezhev Zh. V. K voprosu obrazovaniya cherkesskih knjazhestv // Rezhim dostupa: <http://archivesjournal.ru/?p=807>.
6. Tam zhe.
7. Potto V. A. Ukaz. soch. S. 294-295.
8. Jarkij primer slozhnosti cherkessko-krymskih otnoshenij – «predannye krymskim hanam» temirgoevcy, tem ne menee «veli krovavuju vojnu» s podvlastnymi Krymu nogajcami.
9. Han-Girej. Zapiski o Cherkesii. Nal'chik, 1978. S. 176-177.
10. Han-Girej. Ukaz. soch. S. 177-178; Kандор R. S. Knjaz'ja Bolotokovy v konce XVIII v. – 40-e gg. XIX v. // Rezhim dostupa: <http://www.kandor.ru/st7.htm>.
11. Akty, sobrannye Kavkazskoj arheograficheskoj komissiej (dalee v tekste – АКАК). Tiflis, 1869. T. III. S. 662; Han-Girej. Ukaz. soch. S. 177-178.
12. Hotja, po mneniju L. I. Lavrova, pravil'nee bylo by govorit' ne «Temirgoj» i «temirgoevcy», a «Chemgij» i «chemgui».

13. «Abazincy v proshlom 1804 godu uzhe v tretij, a nogajcy pervyj raz bezhali za Kuban'» (AKAK. T. II. S. 973).
14. Gosudarstvennyj arhiv Krasnodarskogo kraja (dalee v tekste - GAKK). F. 670. Op. 1. D. 5. L. 33 ob-34, F. 396. Op. 1. D. 8407. L. 57; AKAK. Tiflis, 1868. T. II. S. 942, 946; Potto V. A. Ukaz. soch. T. 1. S. 617-618.
15. GAKK. F. 670. Op. 1. D. 5. L. 34.
16. Zdes' budet umestno privesti sledujushhij fakt - v pis'me natuhajskih «vladel'cev» shefu 14-go Egerskogo polka polkovniku Shteteru ot 12 aprelja 1803 g. govoriolos', chto oni «Ottomanskoj Porty poddannye», i kogda mezhdru Rossiej i nej «vremja mirnoe i my s vami v mire, a pri sluchae vojny s turkami, to dolzhny i my vam byt' neprijateljami». (Rossijsij gosudarstvennyj voenno-istricheskij arhiv (dalee v tekste – RGVIA). F. VUA. D. 6168. L. 100).
17. AKAK. Tiflis, 1869. T. III. S. 653.
18. AKAK. Tiflis, 1869. T. III. S. 653, 661.
19. Tolstov V. G. Istorija Hoperskogo polka. Tiflis, 1900. T. 1. S. 156-157.
20. RGVIA. F. 482. Op. 1. D. 18. L. 2; AKAK. Tiflis, 1869. T. III. S. 631-632; Tolstov V. G. Ukaz. soch. T. 1. S. 158.
21. RGVIA. F. 482. Op. 1. D. 18. L. 2-3; Gosudarstvennyj arhiv Rostovskoj oblasti (dalee v tekste – GARO). F. 341. Op. 1. D. 223. L. 13ob-14, D. 431. L. 237-238ob; AKAK. Tiflis, 1869. T. III. S. 632; Zaharevich A. V. Uchastie donskogo kazachestva v oborone stanicy Vorovskolesskoj 23 maja 1807 g. // Severnyj Kavkaz: geopolitika, istorija, kul'tura: Materialy vsrossijskoj nauchnoj konferencii. Moskva; Stavropol', 2001. Chast' 1. S. 131-133; Potto V. A. Istorija 44-go dragunskogo Nizhegorodskogo Ego Imperatorskogo Velichestva Gosudarja naslednika polka. SPb, 1893. T. 2. S. 89-91; Tolstov V. G. Ukaz. soch. T. 1. S. 158.
22. «Hashali Mohammed iz roda Kiraj i dru-goj Ismail, kotorye javljajutsja znamenitymi sredi temirgoevcev vo-zhakami i grabiteljami» (Ju. Klaprot)
23. Klaprot Ju. Opisanie poezdok po Kavkazu i Gruzii v 1807 i 1808 godah. Perevod s anglijskogo K. A. Mal'bahova. Nal'chik, 2008. S. 126-127, 139.
24. AKAK. Tiflis, 1869. T. III. S. 662.
25. AKAK. Tiflis, 1869. T. III. S. 662-663.
26. AKAK. Tiflis, 1869. T. III. S. 663.
27. AKAK. Tiflis, 1870. T. IV. S. 822, 885.
28. RGVIA. F. 15264. Op. 1. D. 6. L. 1-2; GARO. F. 344. Op. 1. D. 287. L. 110ob. - 115; Gosudarstvennyj arhiv Stavropol'skogo kraja (dalee v tekste – GASK). F. 87. Op. 1. D. 538. L. 1-2; AKAK. Tiflis, 1870. T. IV. S. 822-823, 884; Kolesnikov V. A. Odnodvorcy-kazaki. K 200-letiju so dnja osnovanija Rozhdestvenskoj, Kamennobrodskoj, Sengileevskoj i Novotroickoj stanic. SPb., 2000. S. 108-111; Tolstov V. G. Istorija Hoperskogo polka. T. 1. S. 159; Shherbina F. A. Ocherki bor'by russkikh s cherkesami. Istoricheskie ocherki. Ekaterinodar, 1912. Vyp. 1. S. 59-61.
29. AKAK. Tiflis, 1870. T. IV. S. 888.
30. Pokrovskij M. V. Russko-adygejskie torgovyje svjazi. Majkop, 1957. S. 25-26; Chekmenev S. A. Razvitie torgovli v Stavropol'e i na Kavkazskoj Linii // Don i stepnoe Predkavkaz'e. XVIII - pervaja polovina XIX v. Rostov n/D., 1977. Ch. 1. S. 195-196.
31. RGVIA. F. 13454. Op. 2. D. 564. L. 3, 5-6; GASK. F. 22. Op. 1. D. 3. L. 21, F. 79. Op. 1. D. 728. L. 3-4, F. 87. Op. 1. D. 641. L. 1-2; Skassi R. A. Izvlechenie iz zapiski o delah Cherkesii, predstavlennoj gospodinom Skassi v 1816 godu // Adygi, balkarcy i karachaevcy v izvestijah evropejskikh avtorov (dalee v tekste – ABKIEA). Nal'chik, 1974. S. 281-282.
32. Skassi R. A. Ukaz. soch. S. 282-283.

33. GAKK. F. 670. Op. 1. D. 5. L. 35; Shamraj V. S. Kratkij ocherk menovyh (tor-govyh) snoshenij po Chernomorskoj kordonnoj i beregovoj linii s zakubanskimi gorskimi narodami s 1792 po 1864 g. Kubanskij sbornik. Ekaterinodar, 1902. T. 8. S. 364-365.
34. GARO. F. 344. Op. 1. D. 223. L. 13ob. -14; AKAK. Tiflis, 1870. T. IV. S. 837-839, 929.
35. GASK. F. 459. Op. 2. D. 2080. L. 430; GAKK. F. 670. Op. 1. D. 5. L. 10ob-12ob, 35; Kolesnikov V. A. Odnodvorcy-kazaki...S. 114; Shamraj V. S. Ukaz. soch. S. 365-366.
36. Debu I. L. O Kavkazskoj linii k prisoedinennom k nej Chernomorskomoj vojske ili Obshhie zamechanija o poselennyh polkah, ograzhdajushchih Kavkazskuju liniju, i o sosedstvennyh gorskih narodah. S 1816 po 1826 god. SPb, 1829. S. 179-181.
37. AKAK. Tiflis, 1875. T. VI Chast' II. S. 451.
38. AKAK. Tiflis, 1875. T. VI Chast' II. S. 478-479.
39. Abadzehi, kak i sam knjaz', schitali svoe plemja kak by «kollektivnym atalykom» Dzhambulata, kotoryj chast' svoej junosti provel v ih srede.
40. Potto V. A. Kavkazskaja vojna...T. 5. S. 296.
41. AKAK. Tiflis, 1875. T. VI. Ch. II. S. 488; Han-Girej. Ukaz. soch. S. 177-178; Tornau F. F. Vospominanija kavkazskogo oficera. 1835-1838. M., 2000. S. 170. Kandor R. S. Ukaz. soch.
42. Kandor R. S. Ukaz. soch.
43. Han-Girej. Bes'nij Abat // Cherkesskie predanija. Nal'chik, 1989. S. 212-213; Shherbina F. A. Istorija Armavira i cherkesogaev. Krasnodar, 2010. S. 27; Kandor R. S. Ukaz. soch.
44. Stal' K. F. Jetnograficheskij ocherk cherkesskogo naroda. Sostavil general'nogo shtaba podpolkovnik baron Stal' v 1852 godu // Rezhim dostupa: http://www.vostlit.info/Texts/Dokumenty/Kavkaz/XIX/1840-1860/Stahl_K_F/text3.htm.
45. Shherbina F. A. Istorija Armavira i cherkesogaev. Ekaterinodar, 1916. S. 29.
46. Han-Girej. Zapiski o Cherkesii. Nal'chik, 1978. S. 246-247.